

Александр Попов-Гинзберг

ШИНЕЛЬ

Александр Попов-Гинзберг

ШИНЕЛЬ

«Автор»

2026

Попов-Гинзберг А.

ШИНЕЛЬ / А. Попов-Гинзберг — «Автор», 2026

Никакой мистики, а только реальная живая жизнь. Волей случая в семье бывшего сотрудника охраны сталинской дачи в Кунцево – той самой, где Вождь упал, чтобы уже не подняться, остаётся его шинель. Спустя годы, уже в начале 2000-х, эта шинель становится причиной и центром стремительного водоворота событий, драматических поворотов и неожиданных перипетий, ставящих на карту человеческую жизнь, и грозящих многими катастрофами.

© Попов-Гинзберг А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава I	5
Глава II	8
Глава III	10
Глава IV	12
ЧАСТЬ II	14
Глава I	14
Глава II	19
Глава III	25
ЧАСТЬ III	28
Глава I	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

ШИНЕЛЬ

ЧАСТЬ I

Глава I

Москва, с головой погрузившись в ноябрьскую, стремящуюся к бесконечности ночь, медленно засыпала под расстеленными по бульварам, дворам и газонам неровными полотнищами первого снега. Зима, ещё не вполне вступившая в свои права, никак не могла справиться с влажным блеском обочин и подмёрзшей проезжей части.

Было уже далеко за полночь; на серых, растворяющихся в темноте фасадах домов светились редкие, сиротливые окна.

Цепочка фонарей, сдержанно освещавшая дорогу и пустынные тротуары, скупо просвечивала сквозь чёрные скелеты деревьев. Это спокойствие вдруг потревожил метнувшийся наискось яркий луч. Исчезая и вновь выплывая откуда-то сбоку, он то отпечатывал на фасадах ослепительно-чёрный рисунок ветвей, то заливал стены домов молочно-жёлтым сиянием, делая попавшие в его фокус окна похожими на тёмные зарешеченные провалы.

Луч на мгновение исчез, появился вновь и, развалившись надвое, навзничь упал вдоль проезжей части. Теперь стало понятно, что источник света – ярко горящие во тьме фары мчащегося по ночному городу автомобиля.

Несколько раз сверкнув фарами на поворотах, машина въехала в спящий двор одного из домов. Салон на несколько мгновений осветился: из дверей, привычно придерживая фуражки, вылезли три тёмные фигуры. Они пошли к одному из подъездов, шаря вокруг себя лучом карманного фонарика.

*

Просторная комната с высоким потолком была наполнена сумраком и той особенной тишиной, какая сама собой возникает рядом со спящими детьми. На углу заваленного кусками ткани стола притулилась горящая настольная лампа, завешенная с трёх сторон старой меховой безрукавкой; в дальней части комнаты угадывались очертания детской кроватки.

Под лампой, склонившись над шитьём, сидела темноволосая женщина лет двадцати трёх. Услышав со стороны кроватки сонное бормотанье, она подняла голову и несколько секунд всматривалась в темноту. Потом, тихо вздохнув, вновь погрузилась в свою работу.

Минуту назад безмолвный и тёмный лестничный пролёт стал наполняться шорохами и шарканьем. Коротко и пронзительно скрипнула дверь, шаги нескольких человек, поднимающихся по лестнице и их отрывистое дыхание слышались всё отчётливей.

Трое мужчин – те самые, что несколько минут назад вышли из машины, поднялись на очередную лестничную площадку. Один из них, посветив фонариком, уверенно сказал: «Здесь!», и несколько раз настойчиво и властно надавил на испуганную кнопку звонка.

*

Прерывистая, захлёбывающаяся трель как будто плетью ударила молодую женщину. Выпрямившись и вдруг побледнев, она бросила тревожный взгляд в ту часть комнаты, где сто-

яла детская кроватка. Потерянно встала, уронив с колен недошитое платьице. Настойчивый звонок повторился; в комнату заглянула какая-то растрёпанная старая женщина.

– Зинк, слышь? Звонит кто-то! – сказала она тревожным, сдавленным шёпотом. Зина, изво всех сил стараясь сохранить спокойствие, отозвалась глухим, вдруг треснувшим голосом:

– Да, Марь Васильевна: я сейчас...

Она повернула ключ, и тут же отпрянула к стене. В прихожую бесцеремонно и уверенно вошли, как будто силой продавили перед собою тихо охнувшее пространство, те самые трое. В тусклом свете мелькнули голубые петлицы и околыши надвинутых на лоб фуражек.

Мария Васильевна, с боязливой ненавистью бросив взгляд на вошедших, незаметно скрылась за дверь своей комнаты. Один из непрошенных гостей, очевидно, старший, достав из внутреннего кармана какой-то документ, со значением взмахнул им перед собой:

– Гражданка Куликова Зинаида Ивановна здесь проживает?

Зина от душащего её волнения не сказала, а как будто выдохнула:

– Да, это я... А почему... А в чём дело?

Мария Васильевна, тайком наблюдавшая за происходящим в дверную щель, суетливо и облегчённо перекрестилась. А чекист уверенно продолжал:

– Вот ордер на ваш арест, собирайтесь! И – поторапливайтесь: в вашем распоряжении ровно десять минут.

Повернувшись к нему всем корпусом, Зина звенящим от волнения голосом сказала:

– Товарищи, послушайте: это какое-то недоразумение! Мой муж, служит в охране товарища Сталина. Он на дежурстве сейчас...

Вопреки ожиданиям, её слова не произвели на незваных гостей никакого впечатления. Первый чекист сказал холодно и отрывисто:

– Это, гражданка Куликова, к делу никакого отношения не имеет.

Второй выступил вперёд:

– Мы прекрасно знаем, где служит ваш муж: не беспокойтесь. Собирайтесь-ка лучше быстрее, а то пойдёте, как есть!

Эта спокойная уверенность окончательно уничтожила в молодой женщине надежду на благополучный исход. Зина беспомощно огляделась, развела руками и опустила голову: – Да-да, конечно...

Окончательно потерявшись, она начала беспорядочно бросать в сумку какие-то вещи. Первый сотрудник, покосившись на фотографию молодого офицера, висящую на стене, сказал будничным тоном:

– Напрасно, гражданка, вы пытаетесь нас напугать. Наше дело – доставить вас, куда следует, а там – там уже во всём разберутся!

Третий чекист, буркнув: «Документы не забудь!», устало и безразлично прислонился плечом к стене. Сосредоточенно и как-то обречённо кивнув, Зина достала из шкафа паспорт и ещё какие-то документы. Оглянувшись на ночных гостей, она подошла к кроватке и пронзительным, долгим взглядом глядя на спящего ребёнка, почти неслышно сказала:

– Оля, Оленька! Доченька моя родная... Подожди меня, слышишь? Всё будет хорошо, я скоро вернусь! До свидания, милый мой Рыжик!

Она подняла глаза: в полуоткрытую дверь, на неё бесцеремонно и буднично смотрел один из чекистов. Отвернувшись от этого взгляда, Зина поправила на дочери одеяльце и поцеловала спящую девочку. Потом, выпрямилась, бросила на неё секундный, бесконечно длящийся взгляд и быстро вышла из комнаты. Чекист с укором и неожиданной человеческой интонацией бросил ей навстречу:

– Что ж ты дочку-то не разбудишь?! Попрошаться там, обнять...

Зина взглянула ему прямо в лицо, и вдруг ответила дерзко, почти с вызовом:

– Пусть лучше спит: увидит вас – испугается! Чекист равнодушно пожал плечами:

– Ну, как знаешь; дело хозяйское. Тогда – пошли! – уже совсем будничным тоном добавил он.

В сопровождении сотрудников госбезопасности Зина вышла из квартиры. Мария Васильевна, прислушавшись к звукам, доносящимся с лестницы, на цыпочках прошла в комнату, где спала девочка. Она погасила лампу и, прильнув к оконному стеклу, замерла, вглядываясь в скупо разбавленную случайными фонарями темноту двора.

Глава II

Не обращая никакого внимания на календарь, морозная погода бульдожьей хваткой держала уставшую от долгой зимы Москву. Высокие снежные отвалы, нависшие над блестящими льдом обочинами, подобрались и насупились, покрывшись тёмными ноздреватыми пятнами, какие бывают на лицах глубоких стариков. День уже заметно прибавился, и весеннее солнце даже в морозные дни пригревало всё смелее, если не сказать – нахальнее.

Николай, мужчина лет двадцати семи, сидел за кухонным столом. Из чёрной «тарелки», висящей над его головой, послышались знакомые позывные и зазвучал голос диктора: «Здравствуйте, товарищи! Московское время – 20.00. Сегодня Министерством Государственной Безопасности СССР были вскрыты новые вопиющие факты антисоветской и антинародной подрывной деятельности, осуществляемой террористической группой врачей-вредителей. Полученные в ходе следствия новые данные, а также признания самих подозреваемых, неопровержимо свидетельствуют о существовании хорошо организованной и тщательно законспирированной подрывной террористической сети. Враги сумели проникнуть глубоко в недра Министерства Здравоохранения СССР, в соответствующие учебные заведения, в больницы, амбулатории и другие медицинские учреждения по всей стране...»

Мария Васильевна, поджав губы и сокрушённо качнув головой, поставила перед Николаем сковороду с продолжающей шипеть жареной картошкой. Маленькая Оля, девочка лет шести, с ярко-рыжими волосами, играла с тряпичной куклой, сидя на коврике на полу и приговаривая себе под нос что-то очаровательно-нечленораздельное. Николай недовольно покосился на дочь:

– Тихо, Олька! Дай послушать!

А из чёрного диска всё продолжало звучать: «Под руководством министра государственной безопасности товарища Игнатьева, были установлены новые данные, неопровержимо свидетельствующие о том, что нити заговора ведут в посольства некоторых иностранных государств, и далее – за границу...»

Мария Васильевна, сев за стол, снова сокрушённо покачала головой:

– Это просто какой-то ужас! Вера Ивановна говорит, что сейчас даже в аптеке ничего нельзя купить! И прививки делать – тоже нельзя...

Николай, сосредоточенно жуящий жареную картошку, отозвался с ленивым неудовольствием:

– Ну, не все же там – вредители. Допустим, аптека – да: с ней лучше пока обождать. А то: купил какой-нибудь аспирин, и – готов! А что касается амбулатории... Просто, пускай не еврей, а русский врач лечит, уколы ставит, и всё будет путём!

Мария Васильевна поёжилась и с неохотой согласилась:

– Не все, Коля, не все. А ты вот поди, разбери: на лбу у них, небось, не написано! Одних – таких, как Раиса Соломоновна с третьего этажа, энтих сразу видать. А ведь есть и такие – от русака с двух шагов не отличишь!

– Подожди, мать: раз взялись за них, скоро всех вычистят. Не перепутают! – пробурчал Николай, поднимаясь из-за стола.

*

Сухие, с трещиной звуки скальваемого дворником льда тихо ахали за окном, отсчитывая последние мгновения уходящей ночи. Чёрная тарелка, висящая на стене, начала оживать. Из динамика послышались шорохи и потрескивания, а спустя минуту зазвучали вступительные

аккорды Гимна. На кухню вошла, зевая и зябко кутая плечи в большой шерстяной платок, Мария Васильевна. Несколько раз нервно чиркнув спичкой, она зажгла газ и поставила на плиту побитый эмалированный чайник. Посмотрела на часы и громко заговорила:

– Коля-я-я, Вставай: седьмой час. Пора просыпаться: тебе сегодня на дежурство! Из комнаты, также поёживаясь и позёвывая, вышел заспанный Николай. А из чёрной тарелки привычно вещал бодрый улыбчивый баритон: «Здравствуйте, товарищи! Прослушайте выпуск последних известий...»

Николай, всё так же поёживаясь и позёвывая, подошёл к висящему на стене календарю и оторвал очередной листок, открыв наступившую дату – «2-е марта 1953-го года».

*

Утренний свет широким потоком вливался в высокое окно. Бодрые голоса лились из радиотарелки: "Нас утро встречает прохладой, нас песней встречает река. Кудрявая, что ж ты не рада весёлому пенью гудка?..." Оля, с ногами забравшись на широкий диван, играла в кубики. Из букв, нарисованных на их гранях, девочка складывала имя: «С» «Т» «А» «Л» «И»... Оглядевшись по сторонам, она нашла кубик с буквой «Н», и с торжествующим видом приставила его к остальным. Теперь слово было набрано полностью: «СТАЛИН». В комнату заглянула Мария Васильевна:

– Оля, марш завтракать: каша на столе!

Скорчив недовольную гримасу, Оля капризно затянула:

– Ну-у-у, бабу-у-уль, сейчас!

Но бабушка была непреклонна:

– Давай-давай: отец велел есть!

*

Сидя за кухонным столом, Оля вяло ковыряла ложкой в тарелке, и вдруг подняла на Марию Васильевну вопросительный взгляд:

– Бабуль, а мама скоро приедет?

На секунду застыв, она ответила как-то отстранённо и сухо:

– Приедет, когда будет надо.

– А когда будет надо? – продолжала допытываться девочка.

– Когда рак на горе свистнет!

– А когда он свистнет?

– Что ты пристала, как банный лист?! – вдруг вскипела Мария Васильевна.

Так это вышло неожиданно, громко и страшно, что Оля зажмурилась и вся сжалась. Взглянув на внучку, Мария Васильевна вдруг осеклась и смягчилась:

– Ну будет, тебе, будет! Скоро приедет: ты поди пока, поиграй!

Она собрала со стола посуду и вышла. Оля ещё минуты две посидела как будто притаившись, а потом снова понемногу занялась своими игрушками.

А из «радиотарелки», ни на кого не обращая внимания, продолжала назойливо и монотонно звучать всё та же бодрая и весёлая музыка.

Глава III

Николай вылез из доставившей его самого и троих его сослуживцев машины, у ворот ближней дачи Вождя в Кунцеве. Привычно предъявив пропуск, он прошёл зону контроля этого особо охраняемого объекта и шагнул к двери, ведущей к объекту.

Прослужив в здешней охране почти три года, он давно изучил установленный здесь порядок. Сегодняшнее дежурство должно было быть самым обычным: сутки – на службе, трое – дома.

Однако обычным этот день, как он ни старался, совершенно не выглядел. Так, ещё перед воротами Николай с профессиональной наблюдательностью отметил подозрительное скопление посторонних машин. Кроме автомобилей со специальными номерами, здесь стояли два каких-то загадочных «ЗиСа», и почему-то – карета «Скорой Помощи».

Да и ребята на КПП тоже были чем-то странно встревожены. Если бы не установленный здесь порядок, можно было бы незаметно их расспросить о том, что здесь происходит. Однако, задавать вопросы, а уж тем более, на них отвечать, всем рядовым сотрудникам было запрещено категорически.

Тут он начал припоминать, что нечто похожее творилось здесь года полтора-два назад, во время масштабной внезапной проверки боеготовности.

– Небось, опять такой же шухер устроят! – с неудовольствием подумал Николай, выходя с КПП.

Огороженная высоким забором территория, несмотря на весну, была щедро засыпана снегом. Снег лежал на козырьке подъезда и на скамейке перед входом, на высоких туях, выстроившихся вдоль аккуратно расчищенных асфальтовых дорожек, и на головах фонарей. В сером отсыревающем воздухе слышались звонкие крики галок.

Возле главного подъезда, сдержанно жестикулируя, стояли несколько незнакомых военных. Из дверей, о чём-то вполголоса переговариваясь, вдруг вышли три хмурых доктора в шубах, накинутых поверх белых халатов и остановились, что-то неразборчиво и горячо обсуждая. Страшно встревоженные, Николай и его сослуживцы подошли к боковому служебному входу и, никем не замечаемые, вошли в дом.

У самого входа, между постом часового и вешалкой, стояла женщина в белом переднике – одна из работавших здесь горничных. Плечи её сотрясали рыдания; женщина горько плакала, уткнувшись лицом в рукав шинели, висящей тут же на вешалке. Вошедший вслед за ними капитан госбезопасности, увидев рыдающую горничную, сказал ей устало и жёстко:

– Дуня, а ну-ка, марш отсюда! Иди к себе, и чтобы я тебя здесь больше не видел! Горничная испуганно подхватила, и исчезла в глубине коридора.

Этим офицером был капитан Сергеев – их непосредственный начальник. Жестом остановив положенные по Уставу приветствия, он устало и хмуро сказал:

– Сегодня всем отбой, и пока – по домам. Никуда не уходить, и никому ни звука; будете нужны – вызовем! Увидев в глазах подчинённых немой вопрос, Сергеев, доставая папиросы, неохотно пояснил:

– Товарищ Сталин... Потерял сознание: доктора говорят – что-то серьёзное. Увезить в больницу пока не стали – будут лечить здесь. С сегодняшнего дня и до соответствующего распоряжения, охрана пока будет другая...

С досадой посмотрев на место, где только что плакала горничная, капитан нахмурился ещё сильнее:

– Николай! Шинель товарища Сталина возьми с собой: пусть мать почистит, что ли. А то, вон: Дуня весь рукав замызгала!

Сняв шинель с вешалки, он туго перетянул солдатским ремнём и вручил Николаю. Они вместе вышли из КПП на улицу. Николай, остро чувствуя, что его сейчас несёт в бездну, всё-таки не удержался и спросил:

– Товарищ капитан, разрешите обратиться! А что, а вдруг они тоже – эти... Ну, врачи-убийцы?

Вопреки опасениям, Сергеев не оборвал его на полуслове. Капитан бросил окурок в урну и жёстко сощурил глаза:

– Кого надо, всех уже взяли: теперь там всё чисто!

Он строго оглядел мнующихся рядом с ним охранников:

– Ещё раз: чтобы – никому ни звука! Ответственность, как за разглашение. Всё, можете идти!

Вопреки обыкновению, знакомой машины, привозящей на службу, а потом развозящей их по домам, нигде видно не было.

– Ну что: айда на шоссе; там какой-то автобус ходит, – сказал кто-то из ребят. И они пошли, терзаемые доселе неведомыми им чувствами, и почему-то – избегая возможности встретиться друг с другом глазами.

Глава IV

Николай стоял на кухне под открытой форточкой и курил, глядя в окно. За стёклами медленно сгущалась тьма. Маленькая Оля рисовала, стоя на коленях на табуретке и положив лист бумаги на стол. Из «радиотарелки» доносился монотонный голос диктора, рассказывающего об успехах народного хозяйства. В дверях появилась Мария Васильевна с перекинутой через руку шинелью:

– Вот: всё отчистила. Когда теперь на службу-то?

Николай неопределённо пожал плечами:

– Сказали, что сами вызовут!

Он нахмурился, и косо посмотрев на дочь, сказал устало и раздражённо:

– Олька, я тут курю: ну-ка, давай к себе в комнату!

Девочка молча слезла с табуретки и покорно ушла. Мария Васильевна с сомнением посмотрела на Николая, как будто размышляя: спросить, не спросить? Наконец, осторожно сказала, кивком показав на репродуктор:

– Говорят, «в тяжёлом состоянии». Может, там у вас чего ещё говорили?

Николай отрицательно мотнул головой и нахмурился:

– Не говорили, но – точно поправится! Не может такого быть, чтобы с товарищем Сталиным что-то там случилось!

Открыв внутреннюю оконную раму, он достал из-за неё початую бутылку водки. Налил полстакана, выпил. Мария Васильевна села за стол напротив. Тихо, но настойчиво, она сказала вполголоса:

– Не надо ждать, когда позовут. Если завтра твоя смена, то – иди! Заметив на лице сына одновременно согласие и недовольство тем, что она вмешивается в его дела, Мария Васильевна поторопилась сменить тему:

– А ты про Зинку-то чего узнал? А то Олька, вон: каждый день талдычит: «где мама, где мама...» Чего ей вообще говорить-то?

Николай помрачнел ещё больше:

– Ну, если будет спрашивать, говори: «в Тамбов уехала, за бабкой ухаживать». И – «Вернётся не скоро».

– А что... – начала, было, она, но договорить не успела.

Николай вдруг жёстко впечатал ладонь в стол:

– Ничего, мать! Нету её, поняла? Не-ту! Нету, и никогда не было. А что, да за что – не твоего ума!

Мария Васильевна, виновато заморгала. Посмотрела на часы, и пробормотав: «Ребёнка пора укладывать», тихонько вышла из кухни.

*

Оля лежала в постели в обнимку с большим плюшевым медведем. Мария Васильевна, укрыв девочку одеялом и погасив свет, села на краешек кровати.

– Бабуль, а расскажи сказку! – попроси ла Оля сонным голосом и замерла в ожидании.

Мария Васильевна, задумавшись на секунду, таинственным голосом начала:

– Захотел однажды Кощей Бессмертный украсть красную кремлёвскую звезду. Дождался он тёмной-претёмной ночи, и полетел...

Оля беспокойно зашевелилась:

– А зенитчики? Спали, что ли?

– Нет. Зенитчикам спать не положено. Просто Кощей пустил им горький дым прямо в глаза. А пока они глаза протирали, Кощей – прямиком к звезде. Сколько прошло времени: много ли, мало – неизвестно. Только хватились, а звезды-то и нету! Вызвал тогда товарищ Сталин красноармейца Ивана, и приказал ему Кощею победить, звезду из Кощеева Царства добыть, и на кремлёвскую башню обратно поставить...

Мария Васильевна замолчала и прислушалась: убаюканная её голосом, девочка уже крепко спала. Тихонько поднявшись, она ещё раз поправила одеяло, и мягко ступая, вышла из комнаты.

*

За окнами ещё ворочалась ночная тьма, но пронсящий за открытой форточкой шелест автомобильных шин, перемежаемый трамвайными трелями, свидетельствовал о наступлении утра.

Мария Васильевна вышла из комнаты в тот момент, когда кухню заполнил голос Левитана: «От Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР. Ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза. Дорогие товарищи и друзья! Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза, Совет Министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР с чувством великой скорби извещают партию и всех трудящихся Советского Союза, что 5 марта в 9 часов 50 минут вечера, после тяжелой болезни, скончался Председатель Совета Министров Союза ССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Иосиф Виссарионович СТАЛИН.»

Николай вошёл на кухню с опрокинутым, застывшим лицом. Мария Васильевна, медленно перекрестившись, села на табуретку, да так и замерла, держа пальцы у губ. Николай, беглым взглядом посмотрев на мать, хрипло и почти невразумительно пробормотал:

– Как же это; да не может же такого быть; да как это?! С трудом переставляя негнущиеся ноги, он грузно сел за стол. В глазах его вдруг плеснула какая-то новая мысль:

– А как же тогда шинель?! Мне ж сегодня шинель нести!

Мария Васильевна, разлепив пересохшие губы, сказала с неожиданной твёрдостью:

– Обожди, не носи пока!

Николай ошалело воззрился на мать:

– Как это: «не носи»?!

– Не носи, говорю. Там щас не до того!

Николай, через паузу тупо кивнув, зябко съёжился за столом. Всё вокруг наполнила странная тишина, не нарушаемая ни медленной струящейся из репродуктора музыкой, ни законным шварканьем дворницкой лопаты.

Москва уже не спала: она оцепенела в ожидании. Чего? Этого она и сама не знала.

ЧАСТЬ II

Глава I

За стеклом кружились маленькие колючие снежинки.

Из-за праздничного стола, за которым сидели человек десять пожилых мужчин и женщин, степенно откашлявшись, поднялся костлявый старик с прямой спиной и тремя рядами орденовских планок на лацкане пиджака. Он торжественно поднял полную рюмку:

– Прошу тишины, дорогие товарищи! Сегодня, 21-го декабря 2009-го года, мы с вами отмечаем Юбилей: сто тридцатую годовщину со дня рождения нашего гениального современника и великого человека, нашего дорогого Вождя, товарища Сталина. В этой связи очень символично, что мы собрались именно здесь, в доме Николая Ивановича Куликова, служившего в его личной охране до самого последнего дня. За Сталина!

Гости чокаются, торжественно и с удовольствием выпивают; в воздухе вьётся лёгкая, струящаяся и хмельная атмосфера застолья. Обрывки разговоров, звяканье приборов и посуды, возгласы, смех.

– А мы теперь на Девятое Мая всегда на даче, – сказала одна из гостей. – У нас там целый клуб образовался душевный. И молодняка с их бешеной музыкой там в это время не бывает, и всегда очень душевно всё получается. А мой ещё и гонит понемногу: не для продажи, а так, для себя и для своих. В следующий раз и вы приезжайте на майские: всё цветёт, красота, тишина!...

Старик, произнесший тост, поворачивается к Николаю Ивановичу – очевидно, продолжая какой-то разговор:

– Коля, ты это брось! Рано ещё крест-то на себе ставить! Ты что же: совсем не видишь?

Николай Иванович, выставив перед собой растопыренную ладонь:

– Вот так вот – почти ничего не вижу. А вот так (отводит руку в сторону) чуток получше...

А собеседник его продолжал ворчливо-заботливо:

– Пока хотя бы как-то видишь, надо лечиться. Пускай тебя хоть дочка, что ли, ко врачу отвезёт. Вон – к Фёдорову! Она ж ведь у тебя с машиной?

Николай Иванович невесело кивнул:

– Точно так. Только я лучше уж пешком пойду и на метро, на автобусе доеду, чем лишний раз связываться!

– Это почему же так? – живо отреагировал на его лова кто-то из гостей.

Николай Иванович лишь махнул рукой и болезненно поморщился:

– Да так... Не ладим мы с ней; шибко не ладим! Раньше была, вроде, нормальный человек. А сейчас – антисоветчица, и на радио своём таком же, работает.

Николай Иванович взял со стола початую бутылку водки, налил себе и соседям, а потом как будто невзначай, убрал её куда-то под стол. Ещё одна гостыя спросила с дальнего конца стола, через головы остальных:

– А что за радио-то?

Николай Иванович снова болезненно поморщился:

– Радио «Московское Время». Слыхали, небось?

Гостыя, приглашавшая к себе на дачу, сказала неприязненным тоном:

– Хм: кто ж их не знает?

Ещё один гость отозвался с агрессивным сочувствием:

– Замуж больше не собирается?

Николай Иванович безнадежно махнул рукой:

– Куда ей? Всё в редакции своей пропадает. И потом: зарплата хорошая, машина; делает, что хочет...

– А внук? – осведомилась та же гостья.

– Максимка скоро институт закончит. Взрослый уже парень...

– Может, всё же с Ольгой-то вам помириться? Дочка же! – включился в разговор ещё кто-то.

– «Дочка»! –эхом отозвался Николай Иванович. – Как есть тебе, прокурор! Она ещё совсем малая была, когда Зинку, жену мою то есть, арестовали...

Помолчав, он начал говорить горячо, словно продолжая какой-то спор:

– За дело ведь арестовали, чего тут говорить? Глупость – не глупость, умысел – не умысел, а чтобы из чертежей на военном заводе стельки делать – за это и сейчас по головке не поглядят!

Ещё один гость с неожиданным интересом спросил:

– А чертежи-то – чего?

– Да ну, какая разница?! – отмахнулся Николай Иванович. – Деталей каких-то ерундовых, вроде втулки с накаткой. Ольга уж всё разузнала: и за что арестована, и в какой лагерь определили, и когда умерла. Говорят: «Озерлаг», ноябрь 1951-го.

Разгорячившись, он выпил полную стопку водки, и завёлся ещё сильнее:

– Ну, пускай нечаянно, пускай там, по глупости, но преступление-то налицо!

Его сосед согласно закивал, утвердительно изрёк ему в тон:

– Всё правильно, Иваныч! Сегодня – гайка ерундовая, а завтра – механизм какой-нибудь секретный!

Николай Иванович подхватил эту реплику с обидой и негодованием:

– Ну! Я ж и говорю! А то, что я на службе остался; что доверять мне не перестали – это всё – как?! А у неё, чего ты ей ни скажи: «Сталин во всём виноват!»

На другом конце стола дружно рассмеялись; кто-то встал из-за стола, и с шутливой строгостью постучал вилкой по фужеру:

– Разговорчики в строю! Давайте-ка серьёзно: выпьем за нашу молодёжь, а? Вот: чтобы всё, что имеют, ценили бы. И чтобы помнили, откуда всё здесь взялось!

За столом задвигались и заговорили наперебой:

– Воот это правильно!

– Иваныч, вот твоя...

Гости вставали, тянулись друг к другу рюмками и стопками, шумно садились. Возникла минутная неразбериха; Николай Иванович незаметно достал бутылку из-под стола и снова как бы невзначай, отнёс и поставил её между оконных рам.

Дверь в комнату распахнулась: в проёме возник темноволосый улыбчивый парень лет двадцати:

– Здравсьте! Всё, дед, пока: я побежал!

Николай Иванович с любовью и удовольствием взглянул на внука:

– Ага: давай, Максимка! Что матери-то сказать: когда будешь?

– Утром, наверное. А будут по городскому звонить – говори, что в армию забрали!

Сверкнув улыбкой, парень исчез за дверью, а один из гостей сказал протяжно и чуть насмешливо:

– «В армию». Раньше, если в армию не брали, ребята не знали, куда глаза девать от стыда. А сейчас – только бы не служить!

*

Из подъехавшей к подъезду серебристой «Тойоты» вышла рыжеволосая женщина средних лет: короткая стрижка, дорогая, на гагачьем пуху, зимняя куртка. Это была Ольга Никола-

евна: когда-то – та самая маленькая девочка Оля, а ныне – одна из ведущих сотрудниц популярной радиостанции «Московское Время». Впрочем, по отчеству её звали довольно редко. На работе почти все обращались друг к другу по именам, и для большинства знакомых она тоже была просто «Оля».

Стоял яркий зимний денёк из разряда «мороз и солнце»; рыжие волосы Ольги вспыхнули в ярких лучах, заставлявших её щуриться и прикрывать глаза ладонью.

Она поднялась на лифте и открыла входную дверь: из квартиры вырвались голоса и звуки застолья.

Поздоровавшись с гостями, Ольга вдруг остро почувствовала их настороженность, скрытую неприязнь, и даже некоторую враждебность. Гости тоже ощущали себя в её присутствие неуютно: их непринуждённость мгновенно улетучилась, в движениях и голосах появилась какая-то угловатая, фанерная неловкость. Усмехнувшись про себя, Ольга поспешила удалиться в свою комнату.

*

Ольга села за компьютер, и уже через минуту принялась что-то быстро писать. Она смотрела то в монитор, то в пространство, а её пальцы легко и стремительно порхали по клавиатуре. В дверь осторожно постучали.

– Да-да, войдите! – громко сказала она и откинулась в кресле.

В дверь осторожно вошёл Георгий Семёнович, старый товарищ её отца – тот самый «костлявый старик». Приветливо покивав, он сел в предложенное Ольгой кресло и заговорил, лукаво улыбаясь:

– Пускай старичё там без меня посидит, а я с красивой женщиной побеседую!

Ольга легко засмеялась, а гость серьёзно сказал:

– Олюшка, а я к тебе как, можно сказать, парламентёр! Вот, Николай говорит, у вас с ним что-то не ладится?

Ольга слегка потемнела лицом, но попыталась отшутиться:

– Вы же понимаете, Георгий Семёнович: отцы и дети, конфликт поколений. Вот и возникают, как говаривал Реформатский, «принципиальные разногласия!»

– Да вы садитесь, – спохватилась она, показав на кресло.

Её гость улыбнулся, но садясь, ответил серьёзно:

– Я понимаю. Но как бы вот сделать так, чтобы вы, наконец, о чём-то договорились?

Ольга устало повела плечами:

– Единственный способ договориться, это никогда не говорить на запретные темы: о политике, истории, и так далее.– Но, – невесело улыбнулась она: пока это у нас не получается. Разговариваешь, кажется, на совершенно безопасную тему. И тут – какая-то случайная ассоциация, оговорка, или просто что-то к слову пришлось. Ну, и начинается...

Георгий Семёнович улыбнулся понимающе, но без капли сочувствия:

– Если бы тебе, милая, хоть чуть-чуть уважать его убеждения... Родные же люди!

Ольга сухо усмехнулась:

– «Убеждения» и «родные люди» – это совершенно разные вещи. Я люблю своего отца, но как я могу уважать то, что всей душой презираю? Да, я считаю Сталина людоедом и палачом – в том числе, лично виновным в смерти моей матери. По нему, (как, впрочем, и по Ленину) плачет пусть и заочный, но не менее, чем международный, трибунал: это я так думаю. А для него Сталин – безусловный герой: какой тут может быть компромисс?!

Она продолжала, смягчая тон:

– Вы, дорогой Георгий Семёнович, едва ли сможете на что-то здесь повлиять.

Старик то ли протестующе, то ли назидательно поднял ладонь:

– Ну-ну, Олюшка: подожди, не горячись! Ты же знаешь, что человек должен гордиться своей родиной. Вон, французы: гордятся же Наполеоном, хотя по его милости сколько людей полегло! Почему же мы не можем гордиться Сталиным?

Ольга напряглась:

– Наполеон? Он, хотя и пролил много крови, но душ человеческих не растлевал и не калечил. Да и это его «много» в масштабе сталинских дел почти что теряется. Но вот историческая фигура Гитлера – та вполне ему в рост. Только немцы почему-то стыдятся связанного с ним отрезка истории. Извинятся за своё нацистское прошлое, компенсации до сих пор выплачивают. Хотя, и прекрасные дороги там тогда строили, и в развитии техники преуспели: вон, даже в космос едва не вышли!

Зато Сталин для многих у нас всё ещё – предмет гордости. Но – чем гордиться: тем, что уничтожили крестьянство, руками миллионов невинно осуждённых копали каналы и возводили плотины, да? Или – тем, что исходно сталинская модель экономики и стала тем гигантским и беспомощным монстром, что придавил всё сущее и ещё живое к концу восьмидесятых?!

Ольга чувствовала, как у неё холодеют руки, а глаза застилает опасная пелена, и нужно было срочно брать себя в руки. Но остыть вот так, сходу, было едва ли возможно. Но закончила она почти спокойно, и даже – сч лёгкой улыбкой:

– Этим нельзя гордиться; этим стыдно гордиться, дорогой мой Георгий Семёнович! Кое-чего нужно и стыдиться, а в чём-то – и каяться!

Старик тоже держался изо всех сил, чтобы дождаться конца её речи.

– Да не горячись же ты так! – невольно повысил он голос.

Потом поднёс к глазам раскрытую ладонь и начал медленно загибать пальцы:

– Построили могучее государство – это раз. Победили в самой страшной в истории войне – два. В космос полетели первыми в мире – это три! А есть ещё и «четыре», и «пять», и – «двадцать пять»! Это ведь Черчилль сказал, что Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой?

Ольга устало выдохнула:

– Ну, во-первых, Черчилль этого не говорил: это – совершеннейший миф. А во-вторых, конечно: есть и «пять», и «двадцать пять», помноженные на десятки миллионов погибших, и сотни миллионов так и не родившихся. Были нищие люди, науськанные пропагандой ненавидеть всё чужое и на них непохожее. Не гордиться тут впору, а – молиться и каяться, дорогой мой Георгий Семёнович!

Георгий Семёнович медленно поднялся на ноги, всем видом показывая, что хочет закончить разговор. Но не смог удержаться, – сказал, будто ставя в конце многоточие:

– Ты, Олюшка, не горячись, ты всё же ещё подумай. А я знаю только одно: пока люди стоят друг против друга, «право» у них всегда – по разные стороны.

Он вежливо прижал руку к груди:

– Я, знаешь, пойду. Ты прости меня, старика, если помешал!

Он вышел из комнаты, мягко затворив за собой дверь. Ольга нашарила в сумке зажигалку и сигареты, открыла окно. Она почти никогда не курила в своей комнате – только в каких-нибудь совсем уж особых случаях. Но сегодня как раз и был такой вот, особый случай.

*

Наступил непоздний вечер того же дня. Гости уже разошлись, а отец, вероятно, пошёл их проводить. Ольга пришла на кухню, намереваясь быстро выпить кофе и вернуться к себе.

кто-то из гостей – наверное, женщины, сложили тарелки и составили стаканы и рюмки в раковину и к кухонный стол рядом с ней., а пустые бутылки поставили вниз. Она с неудоволь-

ствием посмотрела на бутылки на столпившиеся пустые стулья и заляпанный чем-то стол, со вздохом подумала: «От души погуляли!»

Потом, конечно, будет нужно ещё сюда прийти – помочь всё убрать и вымыть. но сейчас ей хотелось поскорее отсюда уйти.

Вчера в редакции, конечно, говорили об этой сталинской годовщине; обсуждали сделанную Ольгой, посвящённую ему передачу. Это был её пилотный проект, заявка целого цикла, рассказывающего о крупных и неоднозначных исторических персоналиях: Сталине, Гитлере, Мао Цзэдуне, Наполеоне, Кромвеле, Иване Грозном.

Конкуренция в редакции всегда была острой, и Ольга осталась довольна собой. Идея уж очень явно витала в воздухе. Не застолбишь вовремя – кто-нибудь непременно её подхватит. И хотя конкуренция делала работу редакции весьма эффективной, она постоянно держала сотрудников в постоянном и нешуточном напряжении.

За время работы на «Московском Времени» Ольга добилась вполне определённого и устойчивого положения. Если в самом начале она была лишь репортёром, корреспондентом, работавшим «в поле», то теперь в её подчинении находилась целая команда референтов и редакторов, собирающих и готовящих материалы для её авторских программ.

*

Задумавшись, она не заметила, как хлопнула входная дверь, и с досадой подумала: «Не успела».

в кухню вошёл отец и тяжело опустился на стул. Лицо его было покрыто нехорошими белыми пятнами. Ольга с неудовольствием и тревогой взглянула на него:

– Пап! Я вижу, ты опять прилично выпил? Да и ел, судя по всему, всё подряд... Ну, как ещё с тобой разговаривать? Как объяснить, что тебе теперь уже много, чего нельзя? А если ты со своим диабетом в кому свалишься, и никого рядом не окажется? Даже «скорую» будет некому вызвать!

Она с досадой чувствовала, что говорит каким-то жутким, почти сварливым тоном, и это ещё больше выводило её из себя. Николай Иванович взглянул на дочь исподлобья, ответил с достоинством и горделивой обидой:

– Если, может, когда и нельзя, но уж сегодня-то – можно! Ты, небось, и не помнишь, какой нынче день?

– Очень даже помню! – ледяным тоном ответила ему Ольга. – Ты что же: решил всем назло помереть именно на его Юбилей?!

Она достала из холодильника ампулу с раствором инсулина, нашла глейкометр, шприц, устало сказала:

– Иди к себе, ложись. Мы сегодня ни сахар не мерили, ни инсулин ещё не укололи... Иди: я сейчас приду!

Глава II

Редакция радиостанции «Московское Время» располагалась в массивном здании доверенной постройки. Она представляла собой два длинных коридора, лучами расходящиеся от широкой лифтовой площадки. По обе стороны каждого из них шло по несколько дверей, где размещались комната IT-службы, кабинеты начальства, три эфирные студии, переговорная комната и комната отдыха, совмещённая с кухней. Радиостанция работала, как сложный и слаженный организм – без пауз и выходных.

Как и её сотрудники, радиостанция существовала в жёсткой конкурентной среде. В сегменте информационного радио было немало сильных игроков; да ещё время от времени появлялись новые – молодые, амбициозные и зубастые.

В связи со всем этим «Главный» пребывал в постоянном поиске идей, новых форматов и концепций, из-за чего лицо радиостанции незаметно для слушателей, постоянно и прихотливо менялось. И, хотя в глаза это не бросалось, при прослушивании даже прошлогоднего эфира, разница оказывалась вполне заметной.

Способность придумать какой-нибудь оригинальный ход ценилась здесь чрезвычайно высоко, исправно служа отличным «лифтом» для стремительного карьерного роста. Иногда случалось, что какой-нибудь референт, недавно появившийся в редакции, вдруг придумывал неожиданный и перспективный формат.

И тогда он, бывало, всего за несколько месяцев совершал столь головокружительный карьерный рывок, что уже через год-полтора появлялся в эфире в самые горячие часы с собственной авторской передачей, и с отдельной командой, эту программу готовящей.

Впрочем, гораздо чаще бывало так, что кто-нибудь, работая здесь годами, никаких рывков не совершал, довольствуясь своим единственным, когда-то завоёванным, местом.

Первые были сколь перспективны, столь и не слишком надёжны относительно будущего радиостанции. Они были неутомимы в поиске своих новых ниш и возможностей, но по этой же причине могли совершенно неожиданно («Главный» называл это «скоропостижным карьерным ростом») переключаться или на какой-нибудь телеканал, или – на вновь открывшуюся радиостанцию, и почти всегда – сразу на ведущую позицию.

*

Ольга давно раздумывала над тем, чтобы как-нибудь устроить сына в радиожурналистику. «Пусть начнёт с референта, – думала она про себя. – Оглядится, поймёт что к чему – глядишь, и нащупает свою нишу!»

Раздумывала, хотя совершенно не была уверена, что у него это получится. Пытаясь справиться со своими сомнениями, она решила отпустить ситуацию, а там – «Как будет, так будет!»

– Конечно, помогу тебе и поддержку, – мысленно обращалась она к Максусу. – Но что ты дальше сможешь или не сможешь – это уже только твоё!

Кроме всего прочего, Максус очень неплохо разбирался в компьютерах, и в случае неуспеха на ниве радиожурналистики, вполне мог пригодиться в качестве технического работника.

Ольга несколько раз заговаривала с сыном на эту тему. Максусу хотелось попробовать себя в радиожурналистике, но, как заметила Ольга, он едва ли не больше рассчитывал на запасной, «компьютерный» вариант.

– А может быть, – с грустью думала она, – я сама придумала ему стезю, которая вообще не его?

Зато его девушка Даша, будучи очевидным гуманитарием, много читала, хорошо говорила, и легко придумывала различные истории и сюжеты.

– Может, как раз эта девочка и найдёт себя в нашей работе? – не раз думалось Ольге.

Максим с Дашей вместе учились на третьем курсе очного отделения «Академии Менеджмента и Управления». Оба поступали туда наугад, и оба находились в бесконечном поиске своего истинного призвания.

Радиостанция «Московское Время» появилась ещё на исходе существования Советской власти, и всё время своего существования сохраняла лидирующие позиции в опросах и рейтингах.

Ольга работала здесь почти полтора десятка лет, но, как и большинство сотрудников, не состояла в штате, а каждый ноябрь подписывала очередной годовой контракт. Если в течение года руководство было недоволено сотрудником, контракт на следующий год могли или вообще не заключить, или предложить подписать его в каком-нибудь урезанном виде. Многие сотрудники радиостанции придерживались демократических убеждений, в результате чего радиостанция с течением времени делалась всё более оппозиционной. Выручало то, что «Главный» старался позиционировать «Московское Время», как СМИ независимое, беспристрастное и стремящееся отражать мнение всех участников общественного процесса. Собственно, это и делала: и отражала, и соответствовала. Случалось даже, что на её территории встречались или одновременно находились лидеры диаметрально противоположных по своим устремлениям партий, публично презирающие друг друга. Иногда даже приходилось искусственно их разводить – чтобы невзначай друг с другом не встретились, и не учинили публичный скандал.

Вглядываясь в пёструю и стремительную череду событий, Ольга всё острее чувствовала, что ностальгия по советскому времени становится в обществе всё более ощутимой и агрессивной, а зловещая фигура Генералиссимуса – всё более популярной. Это рождало в её душе беспокойство, переходящее в ощущение надвигающейся катастрофы.

*

Не успев выйти из лифта, Ольга нос к носу столкнулась с юной девушкой-референтом:

– Ольга Николаевна! – быстро заговорила та, – Андрей Александрович просил вас зайти!

Она кивнула и, пройдя до конца коридора, постучала в дверь с табличкой «Главный Редактор».

За столом, заваленным какими-то бумагами, сидел Андрей Александрович Борисоглебский: «молодой человек пенсионного возраста», как в шутку и за глаза называли его сотрудники.

Борисоглебский поднял от стола лысеющую взъерошенную голову, и, как всегда, страшно оживился, как будто только её и ждал:

– О: привет, Оль! Послушал твой «пилот»: всё в порядке, первый ком – не блИном! В следующем цикле начнём с февраля, с шагом в две недели, а там уже дальше посмотрим по рейтингам. А пока пусть твои мне подготовят сводочку, что вы там дальше придумали и планируете, о кей?

Ольга кивнула:

– Хорошо, сделаем! Кстати, представляете: я вчера после эфира, прямо с корабля, и – на соответствующий теме, бал! Пришла домой, ну и попала на междусобойчик стариков-сталинистов. Моих планов они, слава тебе господи, не знают, а то расстреляли бы без суда и следствия!

Борисоглебский лукаво улыбнулся:

– Откуда ты их только берёшь?

Ольга хмуро улыбнулась:

– Мне их и искать не надо: сами приходят. Да я же когда-то рассказывала: отец после войны служил в сталинской личной охране. Вот они и собираются по старой памяти.

У шефа вдруг загорелись глаза:

– Может, всё же как-нибудь его приведёшь? А мы тут его и расспросим под запись, а? Они же мечтают, чтобы их слышали: вот все и услышат!

Ольга с сомнением покачала головой

– Много раз звала: «нет» – и всё тут! Говорит, что подписку давал о неразглашении.

– А ты представляешь, сколько он всего повидал? Может, с юристом его свести? Ну, чтобы растолковал ему, что старые подписки уже давно недействительны?

Ольга с сомнением хмыкнула:

– Для него – действительны!

Шеф поднял на Ольгу заинтересованный взгляд:

– А чем он вообще сейчас занимается?

– Моложе был – швейцаром в гостинице «Россия» работал. А сейчас – так, дома сидит...

– И как: уживаетесь?

– А куда деваться? Как говорится, «мирное сосуществование различных политических систем»!

– Ну, ладно! – выдохнул Главный, ставя невидимую, но ясно осязаемую точку, и вновь склоняясь над своими бумагами. И уже как будто думая о чём-то другом:

– Ты как-нибудь попробуй ещё раз его уговорить: вдруг, получится?

Он вновь открыл лежащую перед ним папку, и – уже вполборота, вполглаза, почти уже отключившись от не успевшего ещё остыть разговора:

– Ладно, Оль: тогда – на связи! Извини: сейчас полный завал!

– На связи! – коротко кивнула она, выходя из кабинета.

*

Максим сидел за столиком ресторана вместе со своей подругой и однокурсницей Дашей. За этим же столиком помещались ещё две парочки с их же курса.

Добрая половина зала сегодня была занята студенческой компанией, собранной здесь их однокурсником Антоном, по случаю своего Дня Рождения.

Отец Антона был владельцем и гендиректором Компании, специализирующейся на драгоценных и редкоземельных металлах; Антон мог легко позволить себе пригласить всю группу в ресторан – дело совершенно немыслимое для любого из его гостей. Уже отзвучали поздравления и тосты; Антон жестом подозвал к себе официанта и сказал негромким, значительным голосом:

– Не видишь, что ли: у людей пусто в тарелках, в рюмках ничего не осталось? Ты давай-ка, поживее, слышь? Чаевые получишь, какие заслужишь: не забыл? Всё, давай: свободен!

Официант всё выслушал невозмутимо, только раз коротко сжал зубы. Потом, на полминуты исчезнув, вновь невозмутимо возник меж столиков с четырьмя бутылками французского шампанского в обеих руках. Девушка, сидящая за одним столиком с Максимом и Дашей, сказала, продолжая разговор:

– Мы с родителями, как говорится, «чувствуем на разных диалектах, а то и – на разных языках». Давно существуем в режиме «привет – пока!»

– И у меня те же корки, – хмуро откликнулся сидящий рядом с ней парень.

Антон, оказавшись рядом с ними, бесцеремонно вклинился в чужой разговор:

– Ну, а у кого их нет? Разве что, вот – наш Макс: просто душа-человек!

В ответ тоот скорчил кислую мину:

– Ага, двадцать раз! Сначала дед по ушам ездит, потом мать прессует, а после сразу оба наваливаются.

– Дедушку нужно слушаться! – насмешливым эхом отозвался Антон. – А кто он у тебя: небось, какой-нибудь заслуженный токарь-пекарь?

– Мой дед когда-то самого Сталина охранял! – с достоинством парировал Макс.

Антон выпрямился:

– Круто! Наверное, полковник, или там – генерал в отставке какой-нибудь?

Макс, смешавшись и как будто оправдываясь:

– Да нет... Капитан в отставке.

Антон насмешливо протянул:

– Капита-а-ан?! Что-то маловато будет для такой должности!

Макс ответил, как будто оправдываясь:

– Когда Сталин умер, дед ещё только старшим лейтенантом был! А после: кому он после был нужен?

Антон присел за столик рядом с Максом и изрёк доверительным тоном:

– Это, знаешь ли, от самого человека зависит. Вот, один наш знакомый: он в «Контору Глубокого Бурения» пришёл сразу после армии, ещё в семидесятых. И что ты думаешь: генерал-майором в отставку вышел! Вилла на Сицилии, дом на Рублёвке, счёт в Швейцарии. В общем, полный комплект! Вот и твой дед: если бы вовремя сориентировался, тоже карьеру бы мог сделать!

Даша, отозвалась протестуяще:

– По-моему, Тош: ты очень сильно всё упрощаешь!

Антон, насмешливо бросив в пространство своё: «Ну-ну!», отошёл от их столика. Максим же, с досадой посмотрев ему в спину, в желании чем-то перебить неприятную тему, вдруг сказал:

– А чего мы всё в городе тусуемся: поехали ко мне на дачу! Новый год с шашлыками на природе встречать, а?

Компания вдруг оживилась:

– А что? А поехали!

– Отличная идея: а давай!

Даша тоже загорелась:

– Да: обеими руками – «за»!

Парень за соседним столиком осторожно поинтересовался:

– А где это? И что там вообще есть?

Макс с довольным видом повернулся к нему:

– Город Дмитров знаешь? Вот: от электрички ещё автобусом – минут двадцать, и мы на месте. Условия, правда, на любителя: печка, «удобства» деревенские, мангал где-то под снегом остался – нужно откапывать. Ну так что: едем?

Парень засмеялся:

– Печка и удобства на улице, это по нынешним временам – как стонять в прошлое. Прикольнo: едем!

Подошедший Антон легонько хлопнул Максима по плечу:

– Экстрим – это круто! Сто лет не смотрел в глаза настоящей живой печке!

*

Макс и Даша, покинув кафе, медленно шли по заснеженной улице. Поздним зимним вечером пешеходов почти не было; в свете реклам и уличных фонарей медленно падали крупные и редкие снежинки. Даша повернулась к Максиму:

– И правда: нужно чаще менять локации! И за город ездить, и вообще – куда-нибудь далеко-далеко. Вот, ты сейчас куда бы хотел поехать?

Макс засмеялся:

– Я?! Ну, в Тайланд, например – транзитом через Ямайку!

– Ну-у, Макс! – протянула Даша, – я же серьёзно!

Макс задумался:

– Я скоро у матери на радио буду работать. Вот заработаю чемодан денег, и – рванём с тобой куда-нибудь на Бали или на Шри-Ланку!

Даша иронично отозвалась ему в тон:

– Ага: ну да, ну да! А на Канарах дом трёхэтажный купим, – с видом на море и живописным водоёмчиком с пеликанами. И ещё, чтобы через пруд – мост с фонарями!

Оба весело рассмеялись. Макс, вдруг став очень серьёзным, сказал:

– Ты зря смеёшься. Всё будет, как я сказал, вот увидишь!

– Я не смеюсь: просто мне очень хорошо. В конце концов, жизнь – это то, что существует, пока мы строим планы!

– Здорово! Сама придумала?

– Нет, ну что ты! Это Джон Леннон...

Они шли мимо засыпанных снегом деревьев; Макс бросал вверх снежки, сбивая с веток сыпучие шапки снега. Очередная его порция срывалась с ветки, и оба смеялись, уворачиваясь от сыплющихся за шиворот холодных иголок.

*

Выключив телевизор, Николай Иванович открыл тонко скрипнувшую оконную раму и достал спрятанную ещё тогда, на юбилейной встрече, початую бутылку. Налил водку в стоящий на подоконнике маленький гранёный стаканчик и сосредоточенно жмурясь, выпил. Сквозь приоткрытую форточку в комнату врвался монотонный шум улицы. Может быть, из-за этого он и не услышал звука открываемой двери. Почувствовав чей-то взгляд, он обернулся: в проёме двери стояла Ольга.

– Ага, ты здесь! – удовлетворённо сказала она. – А то прихожу – никого не видно; зову – тишина...

В этот момент Ольга заметила стакан и бутылку. Она перевела взгляд на отца, смущённо забормотавшего:

– Не шуми, не волнуйся: всё пуём! Выпил совсем чуть, и – ни в одном глазу! Ну?

Ольга устало и горестно покачала головой:

– Ты помнишь, что доктор тебе говорил? Да ты и сам прекрасно понимаешь, что после инфаркта, с диабетом и высоким давлением, тебе пить больше нельзя. Вообще, ни капли: просто забыть, и больше не вспоминать!

Ольга взяла с подоконника почти пустую бутылку. Она попыталась на глаз оценить количество остающегося содержимого, хмуро покосилась на приоткрытую оконную створку:

– Ты же божился, что на этом вашем юбилее пить не будешь! А выходит, ты ещё и на другой день себе припас... Понятно теперь, почему ты отказывался ставить у себя стеклопакет. В новых окнах бутылку за рамой не спрячешь!

Николай Иванович вдруг вскипел:

– При чём это здесь, ну?! Пошла у них мода – окна менять: теперь давай все поменяем! А тебе какие окна ни ставь – всё равно кухня будет наскрозь прокурена! И давай раз-навсегда сговоримся: я без тебя как-нибудь решу, пить мне или не пить. Ясно?

Ольга почувствовала, что, кажется, перегнула палку. Однако отцовский тон задел её за живое.

– Ясно! – холодно сказала она. – Только в следующий раз, когда тебя как следует припечёт, не жалуйся!

Николай Иванович выпрямился, как на плацу, и процедил, с ненавистью глядя на дочь:

– Не волнуйся: небось, не пожалуюсь!

Он большими шагами прошёлся по комнате и повернулся на каблуках:

– А тебе лишь бы к чему прицепиться! Вечно всякой ерундой занимаются, а Сталин у них виноват! Сами страну развалили, а теперь о здоровье беспокоятся: вот именно, что Сталина на вас и нету! Он бы вас тогда всех, кто у Белого Дома сгрудился, расстрелял к чёртовой матери! И хотя ты – моя дочь, я бы всё равно сказал: и правильно сделал!

Распалившись, он уже почти кричал: лицо его заметно покраснелось и набрякло. Ольга открыла было рот, чтобы что-то возразить, но тут у неё в кармане зазвонил мобильный. Она досадливо махнула рукой и вышла из комнаты, забрав, однако, бутылку с собой.

Николай Иванович посмотрел на приоткрытую створку оконной рамы, потом – на дверь, в которую только что вышла Ольга, и с чувством, декоративно плюнул. Потом, бурча что-то себе под нос, дошёл до прихожей – ещё не понимая, зачем он это делает. Из кухни доносился оживлённый голос Ольги, обсуждавшей какой-то очередной сюжет. Николай Иванович, играя желваками, быстро оделся и вышел из квартиры, напоследок не удержавшись от того, чтобы размахнуться яростно дверью. Однако, в самый последний момент придержав, он мягко её закрыл – лишь язычок замка негромко и сухо щёлкнул, – и двинулся к лифту.

Глава III

Он вышел из подъезда и остановился в размышлении. Нужно было понять: что делать дальше, куда идти? Кошелёк он второпях позабыл дома, поэтому вариант с покупкой новой бутылки отпал сам собой. Вернуться домой? Ну, нет: это бы выглядело уж чересчур унизительно! Но и бродить без цели и толка по улицам, тоже казалось странным.

Вдруг кто-то, с разбега схватив его сзади за плечи, весело сказал:

– Ты куда это собрался?

Николай Иванович обернулся: перед ним стоял улыбающийся Макс. Старик в ответ озорно и притворно нахмурился:

– Ишь, баламут: чуть, что с ног не свалил!

Максим внимательно всмотрелся в лицо деда:

– Ты чего такой: случилось что-то?

Тот поднял на внука пасмурный взгляд:

– Да ничего: с матерью твоей опять поцапались. Домой пока не пойду, не хочу: лучше так погуляю!

Макс поймал на ладонь снежинку:

– Чего просто так ходить? Холодно же, замёрзнешь! Лучше пошли кофе пить: я угощаю!

В этот момент они как раз подошли к дверям кафе, мимо которого Николай Иванович проходил тысячу раз, но внутри никогда не был. Макс открыл перед упирающимся дедом стеклянную дверь, снял с него пальто, и усадил за свободный столик.

Николай Иванович, болезненно морщась от громкой музыки, с осторожным любопытством огляделся по сторонам. Потом близко наклонился к внуку и спросил громким шёпотом:

– А чего мы сидим-то?

Макс негромко хохотнул и сказал покровительственным тоном:

– Не волнуйся: к нам сейчас подойдут!

От суши, салата, и даже от кофе, старик испуганно и наотрез отказался. После долгих переговоров сошлись на яичнице из двух яиц с сосиской, и двухстах граммах армянского коньяка.

Правда, при упоминании коньяка Макс вдруг сильно засомневался:

– Слушай, дед: а тебе разве...

Но тот, повернувшись к внуку вполоборота, изрёк внушительно и чуть свысока:

– Спокойно, курсант: всё под контролем!

И, сильно сбавив тон, добавил:

– Максимка, не переживай, не надо: двести граммов – это вообще чепуха!

И Макс, поколебавшись, в конце концов успокоился.

Вскоре Николай Иванович совершенно освоился в новой для себя обстановке, раскраснелся и повеселел. Коньяк он выпил залпом, чем очень развеселил сидящую за соседним столиком компанию. Макс подвинул ближе к деду тарелку с яичницей:

– Ешь хоть что-нибудь, а то я тебя до дома не дотащу!

Николай Иванович с улыбкой, хитро подмигнул внуку:

– Учи учёного! Вот, ты когда-нибудь коньяк «КВ» пробовал, а? То-то!

Старика всё-таки заметно развезло. Он говорил вычурно и долго: что-то рассказывал, делился своими обидами на Ольгу и на «всё это нынешнее предательство». А потом вдруг спросил напрямик: как лично Макс относится к Сталину? Тот даже слегка растерялся. Но чуть подумав, заговорил осторожно и вежливо:

– Ну, ты знаешь: честно говоря, я бы не хотел жить в ту эпоху. Кого-то арестовывали, кого-то ссылали или даже расстреливали. При этом – непонятно за что, и неизвестно, кто сле-

дующий. Но не факт, конечно, что сейчас о тех временах говорят всю правду. И это можно о любых временах так рассказать, что просто с ума сойдёшь.

– Сложное было, конечно, время. Но что тогда нас все уважали – это мне как бы нравится! – дипломатично подытожил он жмурающемуся от удовольствия деду.

Старик согласно и важно покивал и со значением поднял вверх указательный палец:

– Вот! Когда иностранцы в Москву приезжали, они шли, как по струночке – боялись! А сейчас? Как домой к себе катаются! А этим всё Сталин покою не даёт!

Макс сказал миролюбиво:

– Ну, как бы, да. Он же и вёл себя нормально, без всякого: в простой шинели ходил!

Николай Иванович, цепко посмотрев на внука, медленно, с расстановкой, спросил, как спрашивают, уже наперёд зная ответ:

– А ты знаешь, что я служил в его охране до самого последнего дня?

И, получив ожидаемый утвердительный кивок, торжествующе закончил:

– А вот, чего ты не знаешь: сталинская шинель с последнего дежурства, так у меня до сих пор и остаётся!

Макс был совершенно поражён, потрясён и растерян:

– Да ты что?! А почему никто мне это не рассказывал? И, кстати: я могу её видеть, где она?

Николай Иванович, всласть насладившись произведённым эффектом, ответил важно:

– А ты не знал потому, что твоя мать была против, чтоб говорить. А шинель-то – она у нас на даче: в шкафу висит, в моей сараюшке. Но только ты теперь – цыц: услышал и забыл! Понял?

Макс поспешно и как-то рассеянно кивнул и вдруг о чём-то крепко задумался.

*

Ольга только закончила очередной телефонный разговор, когда хлопнула входная дверь. Она встрепенулась:

– Пап, ты?

В кухню заглянул раскрасневшийся Макс:

– Ага: это мы – вдвоём с дедом!

Ольга выдохнула с облегчением:

– Ну, очень хорошо: через десять минут приходите ужинать!

Николай Иванович, потоптавшись в прихожей молча ушёл к себе в комнату. Макс заглянул в кухню:

– Мы с дедом только что в кафе перекусили!

Ольга, в полном недоумении:

– Как его вообще туда занесло?

Макс засмеялся:

– Иду, вдруг вижу: стоит, мёрзнет... Пришлось его коньяком отпаивать!

Ольга сокрушённо покачала головой:

– Вот только коньяка ему сегодня и не хватало!

Макс сел против матери, сказал умиротворяющим тоном:

– Всё-таки жалко деда!

Ольга досадливо кивнула:

– Жалко. Вот поэтому и нельзя было ему наливать. Перед тем, как на улицу выйти, он ещё и водочки из своих закромов выпил. А эндокринолог строго-настрого наказала: ни капли!

Макс виновато кивнул: – Понял, сорри! Учту на будущее.

Потом, помолчав, сказал осторожно:

– Может, вам с дедом всё-таки как-нибудь помириться?

Ольга грустно посмотрела на сына:

– Вот именно: «как-нибудь». Как?! Он 22-го апреля в Мавзолей идёт, а я – в церковь, – записочки подавать и свечи ставить. Так уж совпало: это ещё и день рождения моей мамы и твоей бабушки.

После паузы она тихо продолжала:

– Я хорошо помню свою мать, хотя, когда её арестовали, мне и пяти лет не исполнилось. У меня до сих пор в голове не укладывается, как он мог им такое простить? Простить, оправдать, и ещё как-то всё себе объяснить. И –продолжать служить ему дальше (слово «ему» она произнесла холодным и неуступчивым тоном).

Ольга в волнении начала ходить от окна к двери, и – обратно:

– Я ведь понимаю, что ни на кого нельзя держать зла, что нужно прощать. Но, когда я очередной раз слышу от него все эти бредни, мне голос матери начинает слышаться. Она ведь даже не попрощалась со мной тогда, перед уходом. Может, напугать боялась, может, ещё что – не знаю. А он всё гордится, что после её ареста ему, дескать, доверять не перестали...

Макс пытливо посмотрел на мать и осторожно спросил:

– А почему ты мне про сталинскую шинель ничего не рассказывала?

Ольга посмотрела сыну в глаза:

– Я с юности эту шинель ненавижу. Будь моя воля – в печку бы её бросила! Но отец молился на неё, как на икону. Вот мы с ним и договорились, что дома у нас духу её не будет. А если он без неё не может, пусть держит в своём сарае!

Ольга вновь прошла до окна, и – обратно:

– О чём было рассказывать, да ещё после всего, что я тебе говорила? Что у нас в семье хранится колпак палача?!

ЧАСТЬ III

Глава I

Весело трещала старая голландская печь, медленно отогревая промёрзшую комнату и бросая бегучие блики на лица ребят, тесно рассевшихся на диване, старых креслах, и на собранных по всему дому стульях.

Макс сидел на корточках, подкладывая в топку сухие поленья. Даша задумчиво сказала, глядя на огонь:

– А знаешь: я ведь даже совсем не умею топить печь!

Развалившийся в старом кресле Антон усмехнулся:

– Кому это сейчас нужно? Везде – цивилизация: электронагреватели, тэны, отопительные системы, калориферы... Таких зоопарков старья, как этот, скоро вообще не останется!

Он обвёл комнату скептическим взглядом:

– Мебель – из жизни неандертальцев, окна – каменный век!

Даша вдруг вспыхнула:

– Да уж ладно тебе: дача, как дача! Кстати, пластиковые окна смотрелись бы здесь просто дико. На старых окнах хотя бы морозные узоры бывают, а на стеклопакетах твоих – никогда!

Один из парней удивлённо сказал:

– А ведь, и правда; я раньше этого не замечал!

Девушка рядом с ним оживилась:

– Мои родители в походе познакомились, когда студентами были. Нужно было костёр разжечь, и они сделали это по очереди, на спор. Осенью, в дождь, и оба – с первой же спички! Ну, вот ты, Тош: смог бы так же?

Антон делано засмелся:

– Легко! С одной спички – после одной канистры бензина!

*

Макс вышел из натопленного дома во двор. На улице стоял крепкий мороз, но, разгорячённый близким огнём, он в первые минуты совсем не чувствовал холода. Антон выскочил вслед за ним. Вдвоём они вытащили из сугроба мангал, погрызенный ржавчиной. Макс отпер сарай, где лежали сухие дрова, и вскоре из железного короба начало рваться в небо высокое хрусткое пламя.

Антон достал из упаковки привезённые им новые шампуры; приятели стояли, как зачарованные, перед мечущимся в тесном пространстве жадным огнём.

Макс испытующе посмотрел на Антона, как будто что-то взвешивая в уме, и, наконец, решился:

– Слушай, Тош: хотел у тебя спросить... Мне где-нибудь к апрелю будут нужны займы две «штуки» баксов. Сможешь?

Антон с интересом посмотрел на Макса:

– А можно ли мне узнать: какова цель сих инвестиций?

Макс помрачнел. Его задела эта бесцеремонная любознательность, но и не ответить тут было нельзя. И он сказал как будто лениво и нехотя, едва заметно поигрывая желваками:

– У Дашки в начале мая – день рождения: сам понимаешь. Я верну их тебе в конце сентября; ну, в крайнем случае – в октябре.

Антон благожелательно покивал:

– Гуд. Ноу проблем!

И вдруг, как будто о чём-то вспомнив, Макс по нетронутому, глубокому снегу пробрался к крепкой дощатой пристройке и заглянул в её окно. Из-за плеча его выглянул пробравшийся за ним следом, Антон:

– Ты чего тут забыл?

Не отвечая, Макс, порывшись в висящей на гвозде старой дерматиновой сумке, достал оттуда ключ, и отпер протяжно застонавшую в петлях дверь. Антон потянул его за рукав:

– Ты чего здесь забыл? Лучше, давай шашлыками займёмся!

Вместо ответа Макс шире открыл дверь в пристройку и загадочным тоном сказал вполголоса:

– Пошли: одну интересную вещь покажу!

Оступаясь в полутьме, приятели пробрались вглубь пристройки. Макс, покопавшись в старом шкафу, вытащил оттуда какую-то тёмную длинную вещь, и удовлетворённо выдохнул:

– Ага: вот она! Пойдём, на свету рассмотрим.

Антон непонимающе взглянул на Макса:

– Ну, И?

– Пошли! – ничего не объясняя, и уже теряя терпение, повторил Макс – сейчас увидишь!

Они вышли на улицу. Макс, развернув шинель во всю ширину, гордо сказал:

– Вот: реальная шинель, принадлежавшая Сталину! Помнишь, я про своего деда рассказывал?

Антон взял шинель и стал с интересом её разглядывать:

– Да-а-а, это вещь! Я её в какой-то хронике видел: вот – точно её!

И вдруг, загоревшись от какой-то внезапной мысли, он заговорил с жаром:

– Помнишь, я говорил тебе про Сан Саныча? Ну, знакомого – бывшего кагебешника? Он такими штуками очень интересуется: давай, шинель ему покажем!

Макс настороженно и как-то отстраняюще взглянул на приятеля:

– Да ну, зачем?

Но Антон не унимался:

– Мы просто покажем, а потом повесим её обратно. Между прочим, Сан Саныч – человек очень даже влиятельный чел: такое знакомство, если что, всегда пригодится. Давай, я сейчас ему позвоню?

Уже не слушая возражений, Антон вынул из кармана мобильный и вышел из пристройки.

Макс уныло наблюдал, как тот, хорошо видный в дверном проёме, что-то с жаром рассказывает, машинально кивает, жестикулирует, улыбается.

В душе у Макса ворочалась смутная тревога: затея Антона ему очень не нравилась. Но – так ему хотелось сделать Даше какой-нибудь серьёзный подарок, а без помощи Антона это было едва ли возможно. Он стоял, при жавшись лбом к полированной двери какого-то шкафа, мысленно отчаянно ругая себя за малодушие.

Тем временем, Антон закончил свой разговор и вернулся к приятелю:

– Всё, порядок! Завтра утром сюда за нами «тачка» подъедет. А потом тебя доставят, куда скажешь: хочешь – обратно сюда, а хочешь – домой. Вот: я же говорил, что он захочет её посмотреть!

Макс осторожно поинтересовался:

– А ты ему сказал, что шинель не продаётся?

Антон изобразил на лице спокойную уверенность:

– Само собой: обижаешь! Я вообще, с этого и начал.

Прятели вернулись к мангалу. Даша принесла сюда же пластиковое ведёрко с купленной вкладчину и замаринованной по всем правилам бараниной, и вскоре над раскалёнными углями заволновался горьковатый, ароматный дымок.

*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.